

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Научная статья
УДК 347.44
DOI 10.33184/pravgos-2026.2.24

Original article

АЛИМГАФАРОВА Алина Ришатовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
alimgafarova94@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9743-6235>

ALIMGAFAROVA Alina Rishatovna
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ БАНКРОТНЫХ РИСКОВ

TRANSFORMATION OF CIVIL LAW CONTRACT REGULATION OF ENTREPRENEURIAL
RELATIONS UNDER THE INFLUENCE OF BANKRUPTCY RISKS

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена значительным ростом количества дел о банкротстве и формированием в 2025–2026 гг. новых подходов Верховного Суда РФ, которые качественно меняют правовую среду для участников предпринимательских отношений. Более того, недавно высшей судебной инстанцией был закреплен институт субординации требований аффилированных кредиторов, что имеет принципиальное значение для гражданско-правового договорного регулирования. Цель: изучение современного состояния гражданско-правового договорного регулирования в условиях возрастающего количества банкротных рисков и обстоятельств, влияющих на его трансформацию. Методы: с использованием системного и формально-логического методов проведено исследование материалов судебной практики, на основании которых при помощи метода обобщения сделаны соответствующие выводы и сформулированы практические рекомендации; с помощью догматического метода изучена природа гражданско-правового договора, гражданско-правового договорного регулирования и выявлены его особенности; с использованием метода юридического прогнозирования определены тенденции и перспективы дальнейшего развития судебной практики, складывающейся в области гражданско-правового договорного регулирования предпринимательских отношений. Результаты: на основе проведенного исследования пределов свободы договора в предпринимательских правоотно-

Abstract. The relevance of the research is determined by a significant increase in the number of bankruptcy cases and the formation of new approaches by the Supreme Court of the Russian Federation in 2025–2026, which fundamentally alter the legal environment for participants in entrepreneurial relations. Furthermore, the higher judicial authority has recently established the institute of subordination of claims by affiliated creditors, which holds critical significance for civil law contractual regulation. Purpose: to study the current state of civil law contractual regulation in the context of an increasing number of bankruptcy risks and the circumstances influencing its transformation. Methods: utilizing systematic and formal-logical methods, an examination of judicial practice materials is conducted, based on which relevant conclusions are drawn and practical recommendations are formulated using the method of generalization. The nature of civil law contracts and civil law contractual regulation is analyzed using the dogmatic method, revealing its characteristics. Additionally, employing the legal forecasting method, trends and prospects for the further development of judicial practice in the field of civil law contractual regulation of entrepreneurial relations are identified. Results: based on the conducted research on the limits of contractual freedom within entrepreneurial legal relations amid the risk of potential bankruptcy of the counterparty, this article formulates practical

© Алимгафарова А.Р., 2026

шениях в условиях риска потенциального банкротства контрагента сформулированы практические рекомендации по минимизации рисков оспаривания договоров на каждом этапе договорного процесса.

Ключевые слова: гражданско-правовое договорное регулирование, свобода договора, банкротство, оспаривание сделок, аффилированность, предпочтение, повышенный стандарт доказывания, субординация требований

Для цитирования: Алимгафарова А.Р. Трансформация гражданско-правового договорного регулирования предпринимательских отношений под влиянием банкротных рисков / А.Р. Алимгафарова. – DOI 10.33184/pravgos-2026.2.24 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 2. – С. 217–225.

recommendations aimed at minimizing the risks of contesting contracts at each stage of the contractual process.

Keywords: civil law contractual regulation, freedom of contract, bankruptcy, contesting transactions, affiliation, preference, increased standard of proof, subordination of claims

For citation: Alimgafarova A.R. Transformation of Civil Law Contract Regulation of Entrepreneurial Relations under the Influence of Bankruptcy Risks. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 2, pp. 217–225. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.2.24.

ВВЕДЕНИЕ

Принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 ГК РФ, традиционно рассматривается как фундаментальная основа гражданского оборота. При этом свое максимальное воплощение он находит именно в предпринимательской практике, где субъекты обладают наиболее широкой свободой усмотрения при регламентации собственных отношений.

Очевидно, что договоры, особенно в предпринимательском секторе, не просто фиксируют условия, предписанные императивными или диспозитивными нормами ГК РФ. Они позволяют сторонам самостоятельно выстраивать алгоритм исполнения обязательств, конструировать индивидуальные правовые установления («микронормы») [1, с. 55], призванные упорядочить конкретное правоотношение между контрагентами. Данный процесс охватывается категорией «гражданско-правовое договорное регулирование», под которым понимается разновидность правового регулирования, реализуемого субъектами гражданского оборота посредством заключаемых ими соглашений. Этот феномен в доктрине часто идентифицируется как децентрализованное (автономное, частное) правовое регулирование [2, с. 21].

Если раньше стороны воспринимали свободу договора как возможность максимально самостоятельно выстраивать взаимоотношения в рамках законодательных предписаний (с учетом императивных норм, публичных

интересов, прав третьих лиц и слабой стороны), то сегодня аналогичный подход в предпринимательской сфере может обернуться серьезными рисками.

Развитие института банкротства и формирование обширной судебной практики оспаривания сделок должника существенно трансформируют условия реализации договорной свободы. Гражданско-правовой договор, прежде выступавший наиболее действенным инструментом ведения бизнеса, позволяющим субъектам самостоятельно упорядочивать взаимоотношения, фиксировать существенные условия и определять порядок взаимодействия, приобретает «опасный» характер. Это связано с тем, что его последующий судебный анализ в рамках банкротства контрагента нередко влечет недействительность совершенной сделки.

В настоящее время предприниматель, вступая в договорные отношения, уже на стадии подготовки текста соглашения обязан учитывать вероятность банкротства своего партнера. Игнорирование этого обстоятельства может свести на нет самостоятельно согласованные условия, поскольку в рамках банкротного дела интерпретация договора судом и иными участниками (в частности, кредиторами) претерпевает существенную трансформацию: оценке подвергается не столько реализация сторонами принципа свободы договора, сколько возможная аффилированность участников, их предполагаемый умысел на вывод активов, отклонение условий сделки

от рыночных стандартов и иные обстоятельства, которые в обычной хозяйственной жизни регулируются по усмотрению сторон.

Таким образом, субъект предпринимательства на начальном этапе инициирования договорных связей, принимая во внимание риски ухудшения имущественного положения контрагента, обязан соблюдать дополнительные ограничения свободы договора, как содержательные, так и процедурные.

Аффилированность как ключевой фактор повышенного риска в гражданско-правовом договорном регулировании предпринимательских отношений

Одним из существенных факторов, влияющих на гражданско-правовое договорное регулирование предпринимательских отношений, является подход судов к установлению аффилированности сторон.

Как показывает анализ судебной практики за 2025 г., суды все чаще применяют доктрину «снятия корпоративной вуали», позволяющую признавать лиц аффилированными в отсутствие формальной юридической связи. Данная доктрина, заимствованная из англо-американского права, рассматривается в российском правопорядке как исключительный механизм преодоления принципа ограниченной ответственности юридического лица в случаях злоупотребления корпоративной формой [3, с. 44].

В этой связи особую значимость приобретают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлении № 41¹, которое существенно расширяет традиционное понимание аффилированности как связанности, основанной на формальных критериях (участие в капитале, родственные связи, наличие единого исполнительного органа), переходя к пониманию под ней фактической связанности.

В практике арбитражных судов сложился подход, согласно которому для установления аффилированности достаточно доказать наличие общих экономических интересов, скоординированность действий или подконтрольность единому центру принятия реше-

¹ Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника : постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ний. При этом Верховный Суд неоднократно указывал, что общность экономических интересов может подтверждаться не только юридическими, но и фактическими обстоятельствами, включая заключение сделок на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка, а также данными из открытых источников и мессенджеров².

В настоящее время сформировалась устойчивая судебная практика, направленная на защиту интересов общества как самостоятельного субъекта права, что выразилось в переходе к глубокому, содержательному анализу экономической сущности оспариваемых сделок, мотивов поведения сторон и реальных последствий³.

Существенное значение для гражданско-правового договорного регулирования предпринимательских отношений имеет и институт субординации (понижения очередности) требований контролирующих должника лиц и аффилированных с ними кредиторов, которые к тому же лишаются права голоса на собрании кредиторов, не могут оспаривать сделки по банкротным основаниям и требовать привлечения иных контролирующих лиц к субсидиарной ответственности.

Данный подход находит отражение в обобщениях судебной практики, согласно которым заинтересованность лица не является самостоятельным основанием для понижения очередности, однако требование лица, контролирующего должника, подлежит удовлетворению после иных кредиторов, если оно основано на договоре, исполнение по которому предоставлено должнику в ситуации имущественного кризиса⁴. Для участников предпринимательских отношений это означает, что при структурировании договорных связей с аффилированными лицами необходимо осознавать: даже формально корректно оформленные договоры могут быть поставлены под сомнение, а требования по ним – субордини-

² Определение Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Аналитические материалы VEGAS LEX. Судебная практика по корпоративным спорам: тенденции 2025 года. М., 2025.

⁴ Обзор судебной практики Двенадцатого арбитражного апелляционного суда по вопросам установления в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц от 01.08.2025 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рованы, если суд установит, что предоставленное финансирование по своей природе являлось компенсационным (направленным на покрытие убытков должника).

Помимо возможной субординации требования, в делах с участием аффилированных лиц активно применяется повышенный стандарт доказывания реальности правоотношений. С одной стороны, суды применяют его к сделкам с аффилированными лицами, требуя от них представления исчерпывающих доказательств реальности правоотношений; с другой – принцип состязательности не позволяет суду принимать на себя выполнение процессуальных функций сторон.

Как разъяснил Верховный Суд, повышенный стандарт доказывания применим в случае аффилированности сторон или невозможности кредитора собрать доказательства. При этом суд не вправе ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, а бремя опровержения доводов о реальности отношений возлагается на аффилированное лицо. Для участников оборота это означает, что при совершении сделок с аффилированными лицами необходимо обеспечить максимально полное документальное подтверждение всех этапов исполнения, включая первичную документацию, акты сверки, переписку сторон. В противном случае даже реально существующее обязательство может быть признано недоказанным.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ОСПАРИВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Одним из наиболее существенных рисков для участников предпринимательских отношений является оспаривание платежей, совершенных в период подозрительности, по правилам ст. 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)⁵. Указанная норма закрепляет специальный состав недействительности сделок, совершенных с предпочтением, и выступает важнейшим инструментом обеспечения равенства кредиторов в процедурах банкротства.

⁵ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 сентября 2025 г. закреплены принципиально важные подходы к решению данного вопроса⁶, способствующие единообразному применению ст. 61.3 Закона о банкротстве. Верховный Суд указал, что оспаривание действий конкурсного управляющего подчиняется не общим нормам ГК РФ, а специальному режиму ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Как справедливо отмечается в доктрине, специальные основания оспаривания сделок в банкротстве имеют приоритет перед общими гражданско-правовыми основаниями, что обусловлено публично-правовой целью процедур несостоятельности – соразмерным удовлетворением требований всех кредиторов [4]. На наш взгляд, это вполне логично и соответствует общему принципу правового регулирования, при котором специальные нормы, регулирующие те или иные отношения, должны иметь приоритет над общими.

Анализируя упомянутое выше определение Верховного Суда, можно сделать вывод, что ситуации, когда один кредитор получил удовлетворение от должника, а другой – нет, уже достаточно, чтобы квалифицировать подобные действия должника по ст. 61.3 Закона о банкротстве. К такому же выводу ранее пришел и Высший Арбитражный Суд РФ, а именно что для признания сделки недействительной по данному основанию достаточно установления любого из условий, свидетельствующих об оказании предпочтения⁷.

В целом в материалах судебной практики предпочтение, как правило, усматривается в двух типичных ситуациях: когда сделка была направлена на обеспечение старого долга перед отдельным кредитором, когда она уже привела (или могла привести) к изменению очередности погашения требований.

По нашему мнению, особый интерес в контексте квалификации предпочтения представляет один из выводов Верховного Суда в вышеуказанном определении, касающийся

⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.09.2025 № 305-ЭС18-18386 (8, 9) по делу № А40-239363/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

непринятия расписки о возврате в качестве способа легитимации платежа. Суд подчеркнул, что подобное формальное условие о расписке не только не снимает вопроса о предпочтении, но и дополнительно выдает осведомленность получателя о сомнительности такого платежа. Мы согласны с указанной позицией. Действительно, если есть реальное предпочтение, то любое документальное оформление обязательства теряет смысл. Оно не должно становиться основанием для отказа в иске, иначе принцип пропорциональности при удовлетворении требований кредиторов превратится в фикцию⁸.

Для предпринимательского сообщества данное решение – важный сигнал о том, что прием денег в обход других кредиторов, даже подкрепленный распиской, всегда сопряжен с серьезными рисками. В настоящее время акцент в подобных спорах окончательно сместился в сторону доказывания того, знал ли контрагент о нарушении очередности. Причем законодатель презюмирует, что заинтересованные лица по умолчанию информированы о неплатежеспособности должника, пока не докажут обратное.

Таким образом, эволюция судебных подходов и обновление нормативной базы привели к появлению качественно иного механизма защиты прав кредиторов. Перед нами уже не разрозненные правила, а комплексная система, позволяющая эффективно противодействовать выводу активов и преимущественному удовлетворению требований избранных кредиторов в ущерб остальным участникам дела о банкротстве⁹. Однако, на наш взгляд, последний тезис нуждается в уточнении, особенно в части стандарта поведения добросовестных участников оборота. В литературе и судебной практике последних лет активно обсуждается вопрос, насколько глубокой должна быть проверка контрагента, чтобы впоследствии не попасть под механизмы оспаривания сделок в банкротстве. Четкого и точного ответа на него по-прежнему нет.

⁸ Энциклопедия решений. Оспаривание сделок должника, влекущих за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами (октябрь 2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Обзор судебной практики по вопросам оспаривания сделок в процедурах банкротства (подготовлен по материалам дел, рассмотренных в 2025 году) // Арбитражные споры. 2026. № 1. С. 45.

ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ КАК НОВЫЙ СТАНДАРТ ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ОБОРОТА

Современная судебная практика по оспариванию сделок в банкротстве существенно поменяла «правила игры». Под ее влиянием требования к осмотрительности предпринимателей как при выборе контрагента, так и на стадии заключения договора стали иными. На это давно обратили внимание исследователи, указав, что изменение подхода к понятию «осмотрительность» стала объективной необходимостью, поскольку судам нужно как-то бороться с многочисленными злоупотреблениями со стороны участников гражданского оборота. Однако чем жестче требования, тем острее дискуссия о пределах этой самой должной осмотрительности. Где та грань, за которой проверка контрагента превращается в неисполнимое бремя для обычного участника оборота?

Содержательно стандарт осмотрительности тоже существенно изменился. Раньше под ним, как правило, понимали лишь необходимость соблюсти ряд формальных требований, таких как проверка контрагента в Федеральном реестре сведений о банкротстве, проверка лицензий и т. п.¹⁰ В настоящее время высшие судебные инстанции все чаще дают понять: поверхностная проверка – это не осмотрительность, а ее имитация.

Современная судебная практика требует более глубокого анализа.

В доктрине обоснованно отмечается, что стандарт должной осмотрительности представляет собой объективированную меру поведения, ожидаемую от добросовестного участника оборота, и не ограничивается формальным подтверждением правоспособности контрагента. В настоящее время суды все чаще обращают внимание на наличие у контрагента необходимого штата сотрудников и материально-технической базы для исполнения обязательств, продолжительность опыта работы на рынке, отсутствие признаков фирмы-однодневки (массовый руководитель, массовый учредитель, отсутствие отчетности), экономическую целесообразность сделки и ее связь с основной деятель-

¹⁰ Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 / под ред. А.А. Иванова. М.: Статут, 2026. С. 87–88.

ностью сторон¹¹. Высшие судебные инстанции неоднократно подчеркивали, что проявление должной осмотрительности предполагает не только проверку регистрационных данных контрагента, но и оценку его деловой репутации, платежеспособности, ресурсов для исполнения обязательств. Недостаточная осмотрительность при выборе контрагента может повлечь серьезные негативные последствия даже в отсутствие формальных признаков недобросовестности.

Как отмечается в аналитических материалах, налоговые органы при отсутствии должной осмотрительности могут оценивать действия самого субъекта предпринимательской деятельности как направленные на получение необоснованной налоговой выгоды, а деятельность контрагентов, не отвечающих установленным критериям, – как фирмы-однодневки, что влечет доначисление налогов и применение налоговых санкций. Данный подход корреспондирует с правовой позицией Высшего Арбитражного Суда РФ, согласно которой представление налогоплательщиком в налоговый орган всех надлежащим образом оформленных документов, предусмотренных законодательством, не является безусловным основанием для получения налоговой выгоды, если налоговым органом доказано, что сведения, содержащиеся в этих документах, неполны, недостоверны и (или) противоречивы¹².

В банкротных спорах недостаточная осмотрительность может быть использована для доказывания осведомленности контрагента о признаках неплатежеспособности должника, что является необходимым элементом для оспаривания сделки по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (сделка с целью причинения вреда).

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63, для признания сделки недействительной по данному основанию необходимо доказать, что другая сторона сделки знала или должна была знать об ущемлении интересов

кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника. При этом, как справедливо отмечается в судебной практике, если контрагент при заключении сделки не проявил должной осмотрительности, которая от него требовалась по условиям оборота, это может свидетельствовать о его осведомленности о финансовом состоянии должника.

Формирование судебной практики, требующей от участников оборота повышенной осмотрительности, вступает в определенное противоречие с принципом свободы договора.

В доктрине гражданского права традиционно подчеркивается, что принцип свободы договора, при всей его значимости, не является абсолютным. Как справедливо отмечает Е.А. Суханов, свобода договора, подразумевая, что стороны действуют по отношению друг к другу на началах равенства и автономии воли и определяют условия договора самостоятельно в своих интересах, не означает, что при его заключении они могут действовать и осуществлять права по своему усмотрению, без учета прав других лиц (своих контрагентов), а также ограничений, установленных Кодексом и другими законами [5, с. 217].

Данная позиция корреспондирует с легально закрепленным в ст. 421 ГК РФ понятием свободы договора, которая, предоставляя сторонам широкие возможности, одновременно ограничивает их пределами, установленными законом, и необходимостью защиты прав третьих лиц.

Однако, как показывает анализ судебной практики последних лет, в условиях банкротства контрагента указанные ограничения приобретают качественно иной характер. Они выходят за рамки явно установленных законом запретов. Стороны фактически вынуждены учитывать не только императивные нормы, но и правовые позиции судов, формирующие новые, зачастую оценочные, пределы договорной свободы. В этой связи обоснованной представляется позиция В.А. Белова, который обращает внимание на негативные последствия такого подхода. По его мнению, «размывание» формальных критериев должной осмотрительности и их замена оценочными категориями создает правовую неопределенность для участников оборота, затрудняет прогнозирование правовых последствий сде-

11 Аналитические материалы: должная осмотрительность как критерий добросовестности налогоплательщика // Налоговые споры: теория и практика. 2025. № 3. С. 23–30.

12 Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лок и может вступать в противоречие с принципом правовой определенности [6, с. 51].

В контексте банкротных рисков данная проблема усугубляется тем, что добросовестный участник, формально соблюдавший все требования закона, может столкнуться с оспариванием сделки по мотивам, которые не были очевидны на момент ее заключения.

Таким образом, стандарт должной осмотрительности в современном российском праве трансформируется из формальной проверки регистрационных данных в комплексную оценку экономической целесообразности сделки и реальной способности контрагента исполнить принятые обязательства. Данная тенденция, с одной стороны, способствует повышению стабильности гражданского оборота и защите прав кредиторов, а с другой – требует выработки сбалансированных подходов, обеспечивающих разумный баланс между необходимостью противодействия злоупотреблениям и сохранением принципа свободы договора.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

На основе анализа судебной практики можно сформулировать следующие рекомендации для участников предпринимательских отношений, направленные на минимизацию рисков, связанных с возможным банкротством контрагента и последующим оспариванием совершенных сделок.

1. На стадии заключения договора от участника оборота сегодня требуется не просто поверхностная проверка контрагента (его регистрационных данных). Нужно оценивать его деловую репутацию, а главное – есть ли у него реальные ресурсы для исполнения. Иначе вся осмотрительность превращается в фикцию.

Важно прямо фиксировать экономическую цель сделки в договоре и сопутствующих документах, показывая связь с хозяйственной деятельностью сторон, поскольку отсутствие четкой фиксации экономического смысла позже может быть истолковано против той стороны, которая ссылается на свою добросовестность. И суды, надо признать, в таких случаях часто встают на сторону, оспаривающую сделку.

Для подтверждения рыночности цены следует заказывать независимую оценку предмета. Однако, как неоднократно подчеркивалось в судебной практике, одного лишь расхождения с рыночной ценой недостаточно для признания сделки недействительной. Суд обязан исследовать весь контекст: техническое состояние объекта, его функциональные характеристики, а лучше – дать несколько независимых оценок. Иными словами, сторона, заинтересованная в сохранении сделки, должна заранее позаботиться о доказательствах обоснованности цены с учетом всех значимых характеристик предмета договора. Иначе потом будет поздно.

Наконец, для подтверждения реальности правоотношений, особенно в сделках между аффилированными лицами, необходимы не просто документы, а их исчерпывающая совокупность: акты приема-передачи, товарные накладные, акты сверки, переписка сторон. На наш взгляд, это объективно необходимо, поскольку в таких спорах применяется повышенный стандарт доказывания.

2. В процессе исполнения договора логика меняется не кардинально, но акценты смещаются.

Во-первых, встречное исполнение необходимо фиксировать документально. Если вы получаете платеж от контрагента, у которого уже есть признаки финансовых затруднений, стоит позаботиться, чтобы в материалах дела были обстоятельства, позволяющие отнести сделку к обычной хозяйственной деятельности (систематичность, соответствие обычным условиям оборота и др.). Без этого в дальнейшем может быть сложно доказать, что в такой ситуации не было предпочтения.

Во-вторых, осведомленность о неплатежеспособности: при получении платежей от проблемного контрагента необходимо четко понимать риск последующего оспаривания.

В-третьих, следует избегать предпочтения, так как в период подозрительности платежей все равно может быть квалифицирован как предпочтительный при условии, что у должника имелись иные неисполненные обязательства перед другими кредиторами.

3. Когда спор о признании сделки недействительной уже возник, сторонам стоит активно использовать исключения, предусмотренные ст. 61.4 Закона о банкротстве. Речь идет о совершении сделки в процессе обычной

хозяйственной деятельности или о получении равноценного встречного исполнения. Однако, как справедливо отмечено в судебной практике, суды могут отказать в применении этого исключения, если аналогичных сделок у должника не было, а приобретение товаров носило разовый характер. Иными словами, сослаться на «обычную хозяйственную деятельность» можно только тогда, когда есть доказательства систематичности и типичности соответствующих операций именно для этого должника. Абстрактные ссылки здесь не работают.

В спорах о признании сделки недействительной ключевой вопрос – знал ли контрагент о признаках неплатежеспособности должника. Верховный Суд РФ неоднократно разъяснял: осведомленность может быть установлена через аффилированность сторон или иные обстоятельства, из которых следует, что контрагент знал или должен был знать о финансовых проблемах. При этом важно подчеркнуть, что ключевое значение имеет реальная рыночная стоимость объекта именно на дату совершения сделки с учетом всех значимых характеристик, включая техническое состояние. Следовательно, сторона, отстаивающая действительность сделки, обязана располагать доказательствами обоснованности цены применительно к конкретному объекту и моменту его отчуждения.

Особого внимания заслуживают экспертные заключения. В делах об оспаривании сделок по мотиву неравноценности встречного предоставления заключение эксперта – важнейшее, но не единственное доказательство. Как верно отмечается [7], целесообразно привлекать независимых экспертов для подтверждения рыночности цены и условий сделки. Однако заключение эксперта не имеет заранее установленной силы, суд оценивает его наряду с другими доказательствами.

Верховный Суд РФ в этой связи указывает: суды должны принимать только те отчеты об оценке, которые построены на прозрачной методологии и актуальных рыночных данных. Если ответчик последовательно указывает на критические ошибки эксперта (скажем, выбор ненадлежащих объектов-аналогов), суды обязаны эти доводы оценить. Нельзя ограничиваться немотивированным принятием экспертного заключения. И если сомнения обо-

снованны – повторная экспертиза не просто право, а, по сути, обязанность суда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт банкротства оказывает существенное влияние на гражданско-правовое договорное регулирование предпринимательских отношений, формируя новые пределы свободы договора. Судебная практика за 2025–2026 гг. демонстрирует тенденцию к сбалансированному подходу: с одной стороны, суды усиливают контроль за сделками, совершаемыми в период подозрительности, особенно с аффилированными лицами, с другой – формируют механизмы защиты добросовестных контрагентов, полагавшихся на формально соблюденные процедуры и получивших равноценное встречное исполнение. Для участников предпринимательских отношений это означает необходимость пересмотра существующих подходов к договорному регулированию. Свобода договора существенно ограничена рисками последующего оспаривания в случае банкротства контрагента.

В то же время формирующиеся подходы Верховного Суда РФ не направлены на полное отрицание свободы договора, а, наоборот, ориентированы на защиту добросовестных участников оборота и создание условий для справедливого распределения конкурсной массы. Совершенно верно отмечается в судебной практике: добросовестный участник, действовавший открыто и разумно, полагавшийся на формально соблюденные процедуры и получивший равноценное встречное исполнение, заслуживает защиты.

Дальнейшее развитие судебной практики, вероятно, будет направлено на уточнение критериев отнесения сделок к обычной хозяйственной деятельности, поиск баланса между защитой прав кредиторов и стабильностью гражданского оборота. Формирующиеся подходы позволяют прогнозировать, что участники оборота, действующие с должной степенью осмотрительности и обеспечивающие документальное подтверждение реальности и экономической целесообразности сделок, будут получать судебную защиту даже в условиях банкротства контрагента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кашанина Т.В. Соотношение централизованного и децентрализованного регулирования / Т.В. Кашанина // Правоведение. – 1991. – № 4. – С. 54–64.
2. Казанцев М.Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М.Ф. Казанцев. – Екатеринбург, 2008. – 43 с.
3. Артемова А.Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» и концепция бенефициарной собственности: перспективы применения в России / А.Н. Артемова // Гражданское право. – 2018. – № 1. – С. 43–46.
4. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование : научно-практическое пособие / В.Ф. Попондопуло. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2025. – 416 с.
5. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. – Москва : Статут, 2024. – 460 с.
6. Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права / В.А. Белов // Законодательство. – 1998. – № 8. – С. 49–52.
7. Зеленая У. Продавец банкрот. Вашу квартиру могут отобрать через 3 года после покупки / У. Зеленая // Жилищное право. – 2024. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алимгафарова Алина Ришатовна – старший преподаватель кафедры гражданского права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alimgafarova Alina Rishatovna – Senior Lecturer of the Department of Civil Law at the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 14.04.2026; принята к публикации 14.04.2026.
The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 14.04.2026; accepted for publication 14.04.2026.

REFERENCES

1. Kashanina T.V. The Relationship between Centralized and Decentralized Regulation. *Jurisprudence*, 1991, no. 4, pp. 54–64. (In Russian).
2. Kazantsev M.F. The Concept of Civil Law Contractual Regulation. *Doct. Diss. Thesis*. Ekaterinburg, 2008. 43 p.
3. Artemova A.N. The “Piercing the Corporate Veil” Doctrine v. the Beneficial Ownership Concept: Perspectives of Application in Russia. *Civil Law*, 2018, no. 1, pp. 43–46. (In Russian).
4. Popondopulo V.F. Bankruptcy. Legal Regulation. 3rd ed. Moscow, Prospect Publ., 2025. 416 p.
5. Sukhanov E.A. Comparative Corporate Law. Moscow, Statut Publ., 2024. 460 p.
6. Belov V.A. Good Faith, Reasonability, and Justice as Principles of Civil Law. *Legislation*, 1998, no. 8, pp. 49–52. (In Russian).
7. Zelenaya U. The Seller is Bankrupt. Your Apartment Can Be Taken Away Three Years After Purchase. *Housing Law*, 2024, no. 6. Available at: <https://www.consultant.ru>.